

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF THE MAIN AREAS OF PSYCHOLOGY

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ: ВКЛАД С. КЬЕРКЕГОРА

Н. Ю. Куценко

*Кандидат философских наук, доцент,
Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Россия*

Summary. The article highlights the contribution of S. Kierkegaard to the formation of an existential approach in psychological science. It is indicated that the thinker's ideas anticipated the formation of a phenomenological attitude in psychology.

Keywords: existentialism; existential approach; phenomenology; Kierkegaard Seren.

Как известно, подъем интереса к экзистенциальным проблемам наблюдается в сложные для человечества периоды истории. Обусловлено это необходимостью осознания человеком себя, своих переживаний и нацелено на поиск смысла жизни. Можно вспомнить слова М. Бубера, емко определяющие переломные исторические моменты: «экзистенциальная бездомность» [1]. Поэтому именно XX век, переживший две самые страшные войны в истории человечества, становится ареной для развития экзистенциальных идей во всех сферах жизни человека: возникает философское направление (в лице Ж.-П. Сартра, в первую очередь); экзистенциальными мотивами пронизана литература и искусство в целом; идеи экзистенциалистов проникают в ключевую науку о человеке – психологию. Можно сказать, что мир «рефлексирует» в попытке выйти из круга бессилия перед обрушившейся катастрофой и подойти к общему осознанию ценности каждой человеческой жизни. Первая мировая война в этом смысле явилась «толчком» для развития экзистенциальных идей в психологии. Вторая мировая война окончательно подорвала классическую систему европейских ценностей, в связи с чем на первый план вышел вопрос об уникальности каждой человеческой личности. В период немецкой оккупации Ж.-П. Сартр пишет одну из ключевых для экзистенциализма работ «Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии». Так проблемы свободы, ответственности, выбора, одиночества, тревоги становятся ключевыми проблемами экзистенциально ориентированной науки, в том числе психологии.

Помимо общего культурно-исторического фона, по сути представляющего собой глобальную цивилизационную катастрофу, объективным фактором, повлиявшим на развитие экзистенциальных идей в психологии,

явилась сама ситуация в науке: в момент проникновения феноменологических установок (в частности, в психиатрию), в психологии господствовал психоанализ, ориентированный, в своей сути, на естественнонаучную парадигму. Именно в контексте «противостояния» основным положениям фрейдистской теории (в частности, в определении человека) рождается совершенно новый подход, формирующий вторую парадигму в психологии – гуманитарную. По сути, проникновение экзистенциальных идей в психологию – это реакция на «взросление» науки, на формирование более глубокого подхода к анализу внутреннего мира человека. При этом, как отмечают исследователи, экзистенциальный подход не являлся «локальным образованием»: он возник совершенно спонтанно, в разных странах, и его основателями были разные люди [5]. Практически одновременно, оставаясь в рамках психоанализа, психологи и психотерапевты задались вопросом: «... почему в одном случае лечение помогает, а в другом нет, и что на самом деле происходит в существовании клиента» [5, с. 90].

По общему мнению, принятому в философском и научном кругах, начало становления экзистенциализма как одного из самых влиятельных направлений в области человеческой мысли и формирование его ключевых принципов относится к XIX столетию и связано, в первую очередь, с именем датского теолога и философа С. Кьеркегора. Экзистенциальный подход в психологии также берет начало в трудах этого мыслителя, что подтверждают самые влиятельные представители экзистенциализма в психологии: А. Лэнгле, Р. Мэй, И. Ялом и др. [3–5, 8].

Понять мысли С. Кьеркегора можно исключительно в контексте той исторической ситуации, свидетелем которой он был. Довольно часто главную особенность второй половины XIX века исследователи обозначают как «распад»; применительно к психологии – «распад личности на части» (терминология Р. Мэя), что, по сути, явилось «симптомом эмоциональной, психической и духовной дезинтеграции культуры и индивида» [5, с. 111]. Раскол отмечался практически в каждом аспекте человеческой деятельности: в семье, искусстве (отделение искусства от реальной жизни), религии и т. д.

Как известно, человек викторианской эпохи всегда полагался на разум, поскольку триумфатором эпохи был жесткий рационализм, продиктованный идеями Нового времени и философией Г. В. Ф. Гегеля. Эмоции же человек должен был «встроить» в рамки существующих нравов или, говоря иначе, подавить. «Подавление, свойственное викторианскому человеку, его фрагментарность, о которых не принято было задумываться, были непременным условием стабильности данной культуры» [там же]. В свою очередь Кьеркегор страстно противостоял тенденции восхождения разума на пьедестал человеческой жизни, выступая против тенденции деления личности на субъект и объект, что было неизбежным в то время: раздробленность была и причиной и следствием индустриализации. Сегодня ученые не сомневаются в том, что параллелью раздробленности культуры

XIX века явилось серьезное подавление личности. З. Фрейд, как мы знаем, разработает научные методы понимания и лечения этого глубокого разрыва. С. Кьеркегор же говорил о результатах дезинтеграции, которые охватят человечество лишь в XX веке: тревоге, одиночестве и отчуждении. «Как в ситуации с невротичным человеком, раздробленность становилась все более серьезной и устойчивой, пока не достигла своего предела – 1 августа 1914 года, когда все рухнуло» [5, с. 113].

В этом смысле мыслителя можно поставить в один ряд с такими великими пророками, как Ф. Ницше и Ф. М. Достоевский. Кьеркегор, задолго до идей Ницше и работ Фрейда стал говорить о проблеме самосознания, о необходимости анализа внутренних конфликтов, о потере человеком самого себя и даже о психосоматических проблемах. Гений мыслителя в том, что его волновало «понимание человека как существа, которое подавляет, которое отказывается от осознания себя, чтобы защититься от реальности и вследствие этого страдает невротическими симптомами» [5, с. 114]. При этом психология того времени, как было уже сказано, смотрела на человека как на объект, механизмы психической жизни которого необходимо изучать и анализировать. Как очень емко отметил Р. Мэй: «Фрейд писал на техническом уровне, здесь его гений превзошел всех; возможно, он больше, чем любой другой человек его времени, знал о тревоге. Кьеркегор – гений другого порядка, – писал на экзистенциальном, онтологическом уровне; он знал тревогу» [4, с. 6].

Поиски в области психологии сводились Кьеркегором к проблеме личности. Поскольку понятие личности «было нивелировано с рациональной стороны всеобъемлющей логической «абсолютной идеей» Гегеля, с экономической стороны – возрастающим опредмечиванием человека, а с моральной и духовной стороны – бессодержательной религией этого времени», мыслитель был убежден, что достижение абсолютной, «чистой» объективности невозможно [5, с. 116]. В этой связи мы можем говорить об одном из главных вкладов мыслителя в науку, изменивших, как отмечает Р. Мэй, весь ход развития динамической психологии, а именно: представление об истине как отношении. Кьеркегор пишет: «Когда вопрос об истине встает объективно, истина объективно рассматривается как объект, к которому относится познающий. То, что здесь рассматривается, – это не само отношение, но тот факт, что то, к чему он относится, есть истина, нечто истинное. Если то, к чему он относится, есть истина, нечто истинное, значит, субъект пребывает в истине. Когда вопрос об истине встает субъективно, отношение индивида также рассматривается субъективно. Если только само «как» этого отношения пребывает в истине, индивид также пребывает в истине, – даже если он при этом встает в отношение к чему-то неистинному» [цит. по: 5, с. 117]. Р. Мэй, комментируя мысли философа, скажет: «Трудно преувеличить революционность этих идей для времени Кьеркегора, для нашей современной культуры в целом и для психологии в частности» [5, с. 117]. Именно в словах Кьеркегора мы видим зарождение

одного из ключевых принципов экзистенциального подхода – неразделение на субъект и объект. Идеи мыслителя – это радикальное, пророческое утверждение относительности истины: истины как сущности (далее у М. Хайдеггера – истины как свободы). Мэй отмечает: «В словах Кьеркегора мы видим предвосхищение относительности и других положений, утверждающих, что человек, вовлеченный в изучение природных явлений, состоит в особых важных отношениях с исследуемыми объектами, и он должен стать частью этого уравнения» [5, с. 118]. В данном случае вклад в последующее развитие психологии будет следующим: именно Кьеркегор «открывает» субъективный мир человека, «не теряя при этом объективности» [там же]. В частности, идеи мыслителя предвосхитили феноменологические установки о «присутствии» терапевта в мире клиента (А. Лэнгле), о «соучаствующем наблюдателе» (Г. Салливан).

Вторым вкладом С. Кьеркегора в развитие психологии и психологического консультирования, в частности, станет акцент на проблему целеустремленности. По сути, «страсть» или «целеустремленность», как называет это Кьеркегор, – это попытка человека взять на себя ответственность за собственные переживания, стремление к глубокой рефлексии и осознание себя как субъекта этих переживаний. Часто, как известно, клиент может очень долго говорить о своих проблемах как бы «со стороны», не проявляя искренних эмоций. Необходимость целеустремленности выражается в следующем: «добраться до глубинных уровней человеческой проблемы оказывается невозможно с помощью лабораторных методов, только когда человек сам стремится облегчить свои страдания, избавиться от отчаяния и получить помощь, он начнет болезненный процесс исследования своих иллюзий, защит и рационализаций» [5, с. 121].

Еще один вклад С. Кьеркегора в психологию мы видим в следующем положении: человек – это то, что он сам из себя делает и не более. В XX веке эта мысль станет одним из лозунгов экзистенциализма, определяющим всю суть экзистенциальных исканий: человек сам творит себя, поскольку обладает свободой выбора (сартровское «Человек – проект самого себя»). Свобода в понимании Кьеркегора проявляется, в первую очередь, в выборе «формы существования»: аутентичной или неаутентичной (далее у М. Хайдеггера: подлинное – неподлинное бытие). «Чтобы перейти от неаутентичного существования к аутентичному, человек должен вынести тяжелое испытание отчаянием и экзистенциальной тревогой, то есть тревогой человека, который столкнулся с границами своего существования и тем, что за этим стоит: смерть, ничто» [7, с. 241].

Вышесказанное позволяет нам следующим образом резюмировать вклад С. Кьеркегора в психологию: установка на неразделение на субъект и объект; акцент на целеустремленность клиента; постановка проблемы об истинном (аутентичном) и неистинном (неаутентичном) существовании.

Библиографический список

1. Бубер М. Я и Ты. – М. : Высшая школа, 1993. – 176 с.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М. : Академический проект, 2017. – 154 с.
3. Лэнгле А. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования / А. Лэнгле, Е. М. Уколова, В. Б. Шумский. – М. : Юрайт, 2018. – 403 с.
4. Мэй Р. Возникновение экзистенциальной психологии // Теория и практика экзистенциальной психологии. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2017. – С. 5–48.
5. Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Теория и практика экзистенциальной психологии. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2017. – С. 88–132.
6. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М. : Республика, 2000. – 639с.
7. Эленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Теория и практика экзистенциальной психологии. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2017. – С. 206–250.
8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М. : Независимая фирма «Класс», 2017. – 576 с.

